

Три слова — обречён ли поэт на одиночество?

Слово первое

Алёна Алексеева

поэт, редактор Культурного сайтика и литературного журнала «Улитка»

Когда в очередной раз в маникюрном зале приходится улыбаться и молчать, чтобы случайно не попасть в неловкую ситуацию, запутавшись в рассуждениях о включенном/не включенном отоплении или популярности телепередачи, о которой я даже понятия не имею (телевизорато нет), в этот момент как-то особенно чувствуешь себя неловко. А в глазах общественности

выглядишь дикой, недалёкой, пустой. Сложно забыть свои ощущения, когда после Форума молодых писателей в Подмоскowie, возвращаюсь домой, а компания гопников по соседству принимает меня за «тёпленькую». Видимо, по одному только рассеянному, уставшему виду.

И ещё вот это: ощущение жалости и одновременно любви и неприязни всего человечества. Еду в автобусе, стараюсь не смотреть в лица. Больно. Всё слишком хорошо видно: что за человек перед тобой. Я одно время даже взялась записывать яркие диалоги и монологи. Споткнулась, когда женщина с огромным фингалом под глазом в утренней маршрутке рассказывала по телефону подруге, что с ней произошло, и что она одного только боится: «Сын увидит — убьёт его. А я не хочу, чтобы из-за этого уроды сын в тюрьме сидел»... И так далее, и тому подобное. Человек не пишущий проходит мимо. Художник обязан включить этот случай в свою творческую копилку, да ещё подметить, как бегали глаза у женщины, как намазан яркой краской некрасивый рот, как пахло от неё спиртным, как вычурно смотрелись леопардовые колготки и розовая сумка... И всё это художник берёт и глотает. И живёт с этим. Потому что это жизнь. У нас теперь любят говорить: «это жизнь», мол, смотри, а ты там в облаках витаешь, поэтишко.

Поэтишко, который живёт со всем миром внутри и не знает, что выбрать из еды в магазине. «А что тут у вас покупают чаще всего, а?» Я не жалуясь, нет. Но остановить этот процесс уже невозможно. Люди видны насквозь, поэтому лучше не смотреть, а главное — никого к себе не подпускать близко, потому что вижу враньё быстрее, чем его произносят. Одиночество, полная растерянность перед бытовой стороной жизни. Воспоминания Л. Чуковской о встрече с Мариной Цветаевой на кануне самоубийства поэтессы:

— Одному я рада, — сказала я, приостанавливаясь, — Ахматова сейчас не в Чистополе. Надеюсь, ей выпала другая карта. Здесь она непременно погибла бы.

— По-че-му? — раздельно и отчетливо выговорила Марина Ивановна.

— Потому, что не справиться бы ей со здешним бытом. Она ведь ничего не умеет, ровно ничего не может. Даже и в городском быту, даже и в мирное время.

Я увидела, как исказилось серое лицо у меня за плечом.

— А вы думаете, я — могу? — бешеным голосом выкрикнула Марина Ивановна. — Ахматова не может, а я, по-вашему, могу?

А я, по-вашему, могу? Делаю вид, что справляюсь. Квитанции, которые нужно оплатить, на видном месте. Список того, что нужно сделать. Даже звонки родителям — всё написано тут. Счастливое одиночество.

Множество людей вокруг тебя, которые проходят мимо. Толпа приятелей, с которыми весело. Куча людей, которые рады с тобой поболтать, а ты... ты смущённо говоришь: да, завтра, может, если будет время. Времени жалко. Его так хорошо проводить в пустой комнате, выставляя строгий лимит на общение с собой.

К концу своих измышлений я подумала, что очень несправедливо делить людей на музыкантов и филистеров. Не исключаю, что одиночество внутри самого себя — это свойство, присущее каждому человеку моей эпохи. Трагичность поэта заключена в том, что своими стихами он не может заработать себе на хлеб и на счастье быть одиноким. Ему постоянно и неизменно приходится сталкиваться с миром, который с удовольствием глотает его стихи, но не принимает его в себя.

Слово второе

Андрей Сергеев

поэт, первый организатор авторских свободных чтений в Липецке

Обречён ли поэт на одиночество? Сложный вопрос. Одиночество, стоящее рядом со словом «обречён» уже трактуется предвзято. Поэтому мне бы хотелось войти вглубь этого понятия. Вообще — прежде чем ответить на вопрос — его важно услышать, пропустить через себя. Я постараюсь сделать это по словам.

Поэт. Когда я слышу это слово, в голове всплывает некий образ человека в чем-то взбалмошного, ранимого, дерзкого и слабого одновременно. Часто поэзия — это способ озвучить внутреннюю боль, но при этом трансформировать её в опыт. Все силы, все внимание уделено происходящему. Стихи приходят позже. Иногда много позже, могут не прийти совсем. Насколько честен ты был в своем самоотверженном служении опыту,

знанию, которое получал через боль — настолько можно рассчитывать на эти божественные осознания.

Так вот эта хрупкость, красота души, этот ажур, который можно увидеть в глазах любого творчески настроенного человека — его природа проста и уникальна. Как узор снежинки — и эта простота завораживает, и стих-то не должен по мне быть вычурным, потрясать словесами, он потрясает наблюдениями. Мы же все говорим об одном. Просто поэт — его кругозор больше в тот момент, когда в его сердце попадает копьё — он еще видит и поле брани, и противника, и руку что прислала смерть. Его кругозор больше, что и дает возможность дарить знание. Знание о том, что непонятно, часто не принимается, отвергается обывателем. Поэт говорит на родном языке — языке любви. Он вхож в многие души.

И вот странно — казалось бы, умея говорить с каждым, легко ли остаться одиноким?

Обречен. Тяжёлое слово. Словно каменная стена, возле которой можно ходить всю жизнь, не осознавая, что она замкнута, и ты даже не способен выйти за пределы очерченного. Но это знание закрыто, и существует поиск. Иллюзия движения в замкнутом пространстве.

Так вот, обречённость — это отсутствие иллюзий. Хотя можно ли быть обречённым на любовь, на вечную жизнь, на друзей, которые звонят и теребят вопросами, расспросами, новостями? Можно ли быть обречённым на яркий свет, пронзающий твою душу? Ведь в какие-то моменты жизни становится доподлинно известно, что это и есть единственно верный способ существования, что мы и рождены только для этого и только потому, что такое вообще способно с нами происходить, все это красочное полотно жизни. Эти краткие откровения, с каждым годом все более ускользающие.

Обреченность — простая трактовка или оценка человеком событий, которые происходят в его жизни? Все же оценка. И в этом радость, которую я постараюсь передать. Понимание того, что ты ОБРЕЧЕН на одиночество, определяет отношение человека к происходящему. Состояние трактуется как неродное, инородное нашему способу жизни, хотя и тотальное.

По сути, мы — просто набор картонных коробок, которые сталкиваются углами на полупустой площади. Одни извинения и любезности. Мы стали товаром — для которого, похоже, не скоро найдется купец.

Кто откроет эти коробки? Кому нужны эти подарки?

Можно ждать. Можно недоумевать. Можно набивать цену, просить перепаковать по моде.

Обреченность тотальна. Просто поэт чувствует её острее. Это не особенность поэзии — отдалять человека от мира.

От новых ощущений, запахов, цвета жизни. Нет. Это скорее особенность воспитания — не навязывать себя. Не входить в чужой мир, оставаться на границе. Даже видимые контакты людей направлены на извлечение выгоды. Само общение часто является способом создать некий бонус.

В целом оно и неплохо, но если вас занесет к поэту в душу, не дай Боже, не рядом посидите — а прямо туда, в яблочко. Бонусом может оказаться понимание того, что, в принципе, хотя все идет и неплохо — но, трах-бабах, кажется, вы гниете заживо. Начинаешь замечать, что от тебя пахнет мертвечиной. От тебя, еще вчера казавшегося самому себе достаточно полноценным участником того, что называют жизнью, начало нести этим запахом гнили.

Поэты снимают коробки. Иные еще умеют это делать.
С себя. С других. Сдирая с кожей приставший кокон единообразия, выворачивая всю внутреннюю требуху, они еще и требуют этого от вас.

Ах, простите, не сегодня!

И эта обречённость — это хороший знак. Значит, все еще есть шанс вернуться в начало. Начать долбиться в эти картонные стены, орать, петь, играть на скрипочках. Все лишь бы не молчать, только бы слышать родные голоса. Обречённость — это хорошо. Вот когда одиночество станет нормальным — дай Бог, чтобы в вашу коробку кто-то постучал. Дай-то Бог, чтобы вы открыли двери.

Одиночество. Важно верно трактовать понятие, которое являлось бы ему обратным. Потому как в случае с первыми двумя терминами вроде и понятно. Но само слово «Одиночество» — словно бы пустая дырка: вроде как пару секунд назад там что-то лежало, и исчезло?

Что там лежало?

И кто это взял?

Вот тут-то и начинаешь постепенно осознать, что часто состояние одиночества связано с внутренней памятью человека. Словно бы наш друг ушел в кино за попкорном — а мы сидим и держим ему место. И эта пустота не случайна. Мы просто помним ту радость, которую способно дарить общение, если оно не от скуки, если оно не для сплетен, если оно дарит, а не отбирает. Ведь порой у поэта и взять-то нечего. И это ощущение пустоты — необремененности связями, полезными знакомствами, пятничными офисными посиделками. Легкая такая пустота — звенящая, она по сути дар.

Дар различения. А вот то, что нет сил, возможности, способов, навыков, Веры, иногда наглости, иногда уверенности в себе, открывать себя тем, кто сам еще елозит в картоне — это корень зла. Самая его сердцевина.

Вспоминаю себя в лучшие моменты жизни, кажется — что каждый способен тебя понять, принять. Ощущение того — что все люди братья и сестры прочно гнездятся в просветленной голове. Но это ненадолго.

Так вот, кроме того чтобы это состояние продлевать, разворачивать на других — других способов похоже и нет. Но каждый ищет его сам. В путешествиях, в аскезе, в стихах, волевыми усилиями приближать себя к тем, кто более открыт, целостен. Не отплевываясь — как того требует наше прогнившее начало, а цепляясь за эти откровения жизни, ценя каждого, кто попадает в твой мир, понимая что иное равнодушие — просто частный случай, даже если это и закономерность. Вам же не статистика нужна, а открытость. Всегда найдется тот, кто выслушает, если болит внутри, и не устоит тот город, в котором не будет праведника.

Поэтому нужно искать открытость в людях, самому стараясь быть более открытым.

Это сложно. Я не знаю что в жизни сложнее, порою, вся жизнь и проживается чтобы научиться всему.

Заглянув в свою душу, вы поймете, что никакая боль одиночества не способна сравниться с той радостью, которая пронзает все тело, все сознание, когда все эти небесные механизмы в нас начинают гудеть и свистеть, когда все нутро полыхает красками, когда строка на строку лезет. По весне особенно.

Надо Жить.

Слово третье

Виктория Власова
поэт

В общем, куда ни пойдё,
кому ни кричи в ночи —
всё только гул и эхо,
всё только «замолчи».
Кому ни пиши, кому ни талдыч ночами —
всё снова по новой —

«мне врачи вас не назначали».
Куда ни беги, растирая босые ноги,
кого ни люби, кому ни клянись —
«навек», всё ходим по свету —
лживы и одиноки, всё просим совета —
как совершить побег.
И как самому себе ни сочиняй историй,
которых море, а может, и океан,
в итоге окажешься обескровлен,
убитый горем,
умерший от глубоких и страшных ран.

В общем, кому-то и быть, может —
богом иль полководцем,
а нам всё на дне колодца
сверкать звездой.
Кому-то дано к семнадцати не сколоться,
прижиться на дне своего внутреннего болотца,

а нам всё идти куда-то,
но верить, что да, — домой.

*P.S. Спасибо **Анне Витальной** за предоставленное фото для коллажа!*